

**Conversation of Eugene Dynkin with Sergei Kuznetsov, Ithaca, New York,
July 25, 1999
Attended: Irene Dynkin and Olga Kuznetsov (wives)**

Part A

Е. Д. Я обычно начинаю спрашивать про корни.

С.К. Корни – это интересно.

Е.Д. К сожалению, я знаю очень мало. Моего отца, как ты знаешь, уничтожили, и мама все время боялась, что ее тоже заберут, а меня отправят в детский дом. (Это была обычная процедура.) Так что все архивы были уничтожены и даже говорить боялись.

С.К. Я знаю, что осталась только одна фотография, которую вы увеличили.

Е.Д. Это верно. Ну, так что же я знаю? Мой отец был способным человеком. Он окончил реальное училище в Одессе, а после сдал экстерном за гимназию, потому что это было необходимо, чтобы поступать в университет. Ему как-то удалось поступить в Петербургский университет, что для еврея было совсем не просто.

С.К. В каком году это было?

Е.Д. Это было в начале века. Он родился в 1888 году. Они поженились в 1913 году и отправились в свадебное путешествие по Германии. Сохранилось несколько открыток с видами Берлина. Потом он начал работать помощником присяжного поверенного - это был необходимый этап для начинающего юриста. Вскоре началась война. Затем революция. Во время гражданской войны он, оставаясь штатским, служил в каких-то учреждениях Красной армии. Потом он работал юрисконсультom в разных советских учреждениях. Ну, а мать окончила курсы зубных врачей, но до ареста отца она по специальности не работала. Так что ей пришлось стажироваться без оплаты два года, чтобы возобновить квалификацию.

С.К. А когда они обосновались в Петербурге?

Е.Д. Когда отец окончил университет, они сняли скромную (по тем временам) квартиру из пяти комнат. К тому времени, когда я родился, из этих комнат у них остались две, а в остальных трех поселилась другая семья.

С.К. Вы это место помните?

Е.Д. Конечно. Это 4-я Рождественская, которую переименовали в 4-ю Советскую. Я там побывал дважды, приезжая из Америки. От дома остался только фасад. Предполагалось, что у домов, разрушенных во время осады,

следует сохранить фасады и выстроить заново жилую часть. Однако и в 1989-м и в 1993-м году там ничего не было кроме фасада.

С.К. А ваша мать тоже из Одессы?

Е.Д. Нет. И отец и мать, оба из Белоруссии... Гонения на нашу семью начались вскоре после моего рождения. Я знаю только, что, когда мне было два года, мы оказались в Шлиссельбурге, где отец работал юрисконсультom на пороховом заводе. Могло бы быть и много хуже, если бы не мамина подруга Раиса Семеновна Хазанова. В юности мама помогала ей прятать нелегальную литературу. Теперь она работала секретарем у Томского – одного из лидеров большевиков. Я ее называл тетя Рая и говорил, что это самая любимая моя тетя. Позднее Томский покончил самоубийством, когда арестовали близких к нему Бухарина и Рыкова. После этого тетя Рая оказалась в Гулаге.

Через некоторое время мы вернулись в Ленинград. В нашей квартире была еще одна семья – Прусаковы. Глава семьи, в прошлом меньшевик, был членом большевистской партии и начальником антиквариата. У них был сын Вова моих лет. С ним вместе мы и росли. Когда нас уже не было в Ленинграде, родителей Вовы арестовали, а Вова погиб во время осады.

Когда мне было лет 6, к нам приходила домой учительница Мария Савельевна Шварц, старая интеллигентка с либеральными убеждениями. Она занималась с нами обоими, но, кажется, меня она любила больше. Когда мне исполнилось 6 лет, она посвятила мне стихи, которые я помню до сих пор.

Ну, а потом, когда мне было 6 или 7 лет, я упал, и у меня развился костный туберкулез. Сперва нога была в гипсе, потом я ходил на костылях. В школу я пошел с опозданием, в третий класс, а до этого меня учили дома. Дважды меня возили в Евпаторию – детский курорт в Крыму. Первый раз я был с мамой в пансионате «Мать и дитя», а второй раз с Вовой в костнотуберкулезном детском санатории. Хотя Вова и не был болен, но его отец сумел как-то договориться с главным врачом. Недели две мы лежали в карантине и играли в «интеллектуальные» игры – перечислять географические названия или имена великих людей на определенную букву и тому подобное. В этом Вова был не очень силен, но зато он побеждал, когда я предложил вместо этого назвать трамвайные маршруты в Ленинграде.

Когда мне было года 4, Вовина мама читала нам «Приключения Тома Сойера», которые остались моей любимой книгой. Лет пяти я научился

читать сам. Перечитал всего Жюль Верна. Увлекался Диккенсом и Джеком Лондоном. Более поздним увлечением стали «Занимательная физика», «Занимательная алгебра» и другие популярные книги Я. И. Перельмана.

В 1933 году я пошел в третий класс и стал активным общественником, войдя в «треугольник»: председатель класса, секретарь, редактор стенной газеты. В этой группе я был третьим. Вова пришел вместе со мной. Его, как и меня, до этого учили дома. В первые же дни я вступился за него, когда его обидели какие-то ребята. Начитавшись книг, я решил быть рыцарем и полез в драку. Так как я драться не умел, то меня хорошо излупили.

Дальше был 34-й год. Первого декабря убили Кирова. По радио передавали только выступления всяких знаменитостей, которые прославляли Кирова и проклинали его убийц. Я коллекционировал имена этих великих людей.

Потом, в марте 35-ого года пришли ночью с обыском и забрали отца. Нам было велено в недельный срок отправиться в ссылку, в Тургай. (Это поселок в Казахстане в трехстах километрах от железной дороги.) Распихали какие-то вещи по знакомым. Почти ничего, конечно, не сохранилось. А я, выбрав самое важное, что я хотел взять с собой, копировал отрывки из книг Перельмана, которым я в то время увлекался.

Это была административная ссылка, и родители отправились не по этапу. А меня они отослали к маминой сестре тете Еве в Москву. До конца учебного года я жил в ее семье. У тети Евы и дяди Рувы была дочь Валя, на год моложе меня, и мы ходили с ней в одну и ту же школу. Это был пролетарский район, Таганка, и ребята были такие, хулиганистые. Но ко мне они относились хорошо. Помню, как сосед по парте меня предупреждал: «Только никому не говори, что ты еврей».

О.К. И вы последовали этому совету?

Е.Д. А меня никто не спрашивал. В ленинградской школе никакого антисемитизма я не замечал.

Я был избалован матерью. Отец говаривал: «Кого ты растишь? У него поместья не будет». Конечно, и у тети меня никто не обижал, но все-таки такой теплоты, как дома, не было. Когда мне исполнилось 11 лет, дядя Рува подарил мне записную книжку. Но, конечно, это нельзя было сравнить с тем, как праздновали мой день рождения дома. И я себя чувствовал очень несчастным. А потом родители меня забрали. В это время дело устроилось не худшим образом. Первоначальное место ссылки Тургай заменили Челкаром. А затем их временно оставили в Актюбинске. Это все же город и

даже областной центр. Отец там работал юристом в разных учреждениях. Меня приняли в железнодорожную школу. Это была очень хорошая школа, гораздо лучше ленинградской, о московской я уже не говорю. Я там проучился полгода, а потом вышло распоряжение, что дети, не имеющие отношения к железной дороге, не должны там учиться. Меня перевели в городскую школу. Но я решительно отказался туда идти и полгода вообще не ходил в школу. За это время случились новые неприятности. Родителей все-таки собирались отправить в Челкар. Помню, как я это переживал. В конце концов, это как-то не состоялось. И перед новым учебным годом директор, видимо, тронутый моей настойчивостью, принял меня обратно в железнодорожную школу, в шестой класс. Эту школу я и окончил.

Помню живо страшный день 19 ноября 1937 года, когда снова арестовали отца. На нашей улице брали всех подряд, видимо, выполняя какую-то квоту. Арестовали всех ссыльных, но не только ссыльных. Для меня это было очень тяжелое время во всех отношениях. С раннего детства я воспитывался окружающей средой в вере, что строится светлое будущее для всего человечества. Я пытался как-то оправдать происходящее поговоркой: «Лес рубят, щепки летят». Я чувствовал себя отверженным. Ребята в школе говорили: «Тебя не примут ни в какое высшее учебное заведение, если ты не вступишь в комсомол». Я пытался это сделать вместе с моими одноклассниками. Всех сразу приняли, а меня должен был утверждать обком комсомола. И он меня не утвердил. Чувствуя себя изгоем, я замкнулся в себе, находя утешение только в чтении Пушкина. Я был тогда в седьмом классе.

Учился я хорошо. Начиная с шестого класса у меня не было никаких отметок кроме «отлично»¹. И в старших классах учителя не мешали мне заниматься на уроках, чем я хочу. На уроках русского языка я читал «Русский синтаксис в научном изложении» Виноградова, а на уроках химии «Основы химии» Менделеева. А в конце восьмого класса преподаватели предложили мне перескочить в десятый класс.

О.К. Через много лет вы предложили то же самое сделать Сереже.

С.К. Что я и сделал с вашей подачи.

Е.Д. Итак, я не учился в девятом классе и окончил школу в 16 лет. Было это в 1940 году.

Я пробовал себя в разных направлениях. В 1937 году очень торжественно отмечалось столетие со дня смерти Пушкина. (Это было еще

¹ Школьные отметки «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» соответствуют американским A, B, C, D.

до ареста отца.) По этому поводу я написал стихотворение, которое напечатали в местной газете. Стихотворение было бездарное, но рифмы и ритм там были идеальные. Я использовал какие-то цитаты из Пушкина. В частности, там была строка: «Вольности святой заря взошла и принесла и счастье и покой». Но это было чересчур даже для редактора, и он заменил «счастье и покой» на «она всегда была его мечтой». Окрыленный успехом, я послал это стихотворение в «Пионерскую правду» и получил вежливый отказ: «Дорогой Женя, мы печатаем только лучшие стихи, а в твоём стихотворении есть недостатки». После этого я никаких стихов не писал.

Определённым этапом был доклад о Шекспире, порученный мне учительницей литературы Александрой Николаевной Казанской. Она была известна своей строгостью, и получить у неё «отлично» было почти невозможно. Но я её купил своим докладом. Готовя его, я перечитал кучу книг о Шекспире, включая споры о том, кто был настоящим автором его драм. Репетируя доклад много раз, я, можно сказать, выучил его наизусть и произнес без запинки. После этого Александра Николаевна ставила мне только отличные оценки, и она была одним из инициаторов моего «прыжка» через девятый класс.

Более интересным человеком был учитель математики Алексей Васильевич Некрасов. Он окончил ещё при царе Петербургский университет, в советское время был сослан в Казахстан и, по отбытии ссылки, преподавал в школе (ссылным это было запрещено). Он дал мне читать книжку по истории теории чисел, и по этой книжке я делал доклад. Он мне сказал «Вряд ли ты станешь творческим математиком, но вот по истории и философии математики, может быть, у тебя что-нибудь и получится».

В 1939 году был 60-летний юбилей Сталина. По этому поводу было всеобщее сумасшествие, и мы, школьники готовили рукописный литературно-общественный журнал. Главным лицом был Саша Бродский, писавший гораздо лучшие стихи, чем я, но все же это был не Иосиф Бродский. И вот мы с ним и с Шурой Бондаренко готовили этот журнал. Естественно, что нас поддерживали со всех сторон. Когда осенью я поехал в Москву, мне поручили купить какие-то кисточки и краски для этого журнала. Надо сказать, что я подавал заявления во все инстанции с жалобами, что мне отказано в приеме в комсомол. Но тут началась война в Европе, и, по видимому, товарищ Сталин дал какое-то указание насчет детей «врагов народа». И когда я пришел в ЦК комсомола, решение об отказе было отменено.

В это время я уже начал серьезно интересоваться математикой. Широко отмечалось 185-летие Московского университета.

О.К. Почему это юбилей?

Е.Д. Действительно, странная дата, но тем не менее она отмечалась. И я решил, что буду поступать на Мехмат.² Алексей Васильевич посоветовал мне читать учебник Грэнвиля – Лузина по дифференциальному и интегральному исчислению. Написанный Гранвилем и переработанный Лузиным, это был учебник для технических вузов, выдержавший множество русских изданий. Издание, которое я читал, содержало очень странное утверждение: так как интегрирование это обратная операция для дифференцирования, это позволяет обращать формулы для дифференцирования для вычисления интегралов, и надо бы придумать что-нибудь подобное для вычисления конечных сумм. На самом деле, обратная операция для суммирования это вычитание, что я и использовал для вычисления суммы степеней и некоторых других выражений. Разумеется, ничего нового в этом не было.³

Потом я кончил школу и поехал поступать в МГУ. У меня был аттестат отличника и поэтому вместо экзамена я должен был проходить собеседование с одним из профессоров.⁴ Со мной беседовал Александр Осипович Гельфонд, всемирно известный математик, решивший одну из проблем Гильберта.⁵ Я принес ему тетрадку с моими вычислениями конечных сумм. Меня не только приняли, но, к моему удивлению, появилась заметка в газете «Правда»⁶ о приеме в МГУ, в которой упоминалась моя фамилия:

«Выделяется 16-летний отличник учебы Дынкин (Актюбинск), принятый на механико-математический факультет досрочно по специальному указанию Всесоюзного комитета по делам Высшей школы».

Это было внезапное превращение изгоя в специально отмеченного студента главного университета страны. Мне повезло, что, перепрыгнув через класс, я проучился год в МГУ до начала войны. Если бы не это, то, в лучшем случае, я потерял бы 4 года.

После заметки в Правде, я ожидал, что буду звездой на мехмате. Однако очень скоро я увидел, что одно дело блистать в Актюбинской средней школе, а другое дело блистать на мехмате. Я познакомился и подружился со студентами, участниками школьных кружков при МГУ, победителями олимпиад, которые знали много больше, чем я. Наибольшее влияние оказал на меня Саша Кронрод. Это был совершенно обаятельный человек. Он учился на третьем курсе и любил опекать младших товарищей. Он давал мне задачи о множествах и функциях. Например, описать строение замкнутых колец непрерывных функций на компактном метрическом пространстве. Это, конечно, известная теорема.

² Механико-математический факультет.

³ В своих воспоминаниях В. А. Ефремович пишет, что Лузин испортил хороший учебник Грэнвиля, введя в него «философские соображения... с довольно парадоксальными формулировками». (См. Беседы_с_одним_московским_математиком, <http://www.uniyar.ac.ru/index.php/>).

⁴ Позднее традиционные золотые медали заменили аттестаты отличников.

⁵ http://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Gelfond

⁶ Орган Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Тумаркин читал хорошо разработанный, но не слишком вдохновляющий курс анализа. Делоне читал аналитическую геометрию. Читал живо, и вообще вел себя не стандартно. Он приглашал нас, первокурсников к себе домой и рассказывал разные истории. Помню его рассказ о том, как советских математиков не пустили на международный конгресс в Осло потому, что там был Троцкий. Алгебру читал Гельфанд.

О.К. Он же был совсем молодой.

Е.Д. Ему было 27 лет. Кроме того Колмогоров начал читать спецкурс по теории множеств. Слушать Колмогорова вообще не просто, особенно если не имеешь надлежащей подготовки. И я всю неделю читал «Теорию множеств» Хаусдорфа, чтобы понять предыдущую лекцию и подготовиться к следующей. В основном на первом семестре я занимался именно этим. А на втором семестре властителем дум стал Гельфанд. Это было как бы введение в функциональный анализ: линейная алгебра излагалась как теория линейных операторов в конечномерном гильбертовом пространстве. Тогда это было новшеством. На материале этого курса была написана его книга, изданная вскоре после войны. Я был увлечен этим курсом. Но надо сказать, что педагогические приемы Гельфанда были весьма своеобразны. В аудитории из 200 студентов, он вызывал **одного** и задавал вопросы, высмеивая отвечающего за каждую ошибку. Казалось, что ему нравилось обижать людей.

О.К. Ему и сейчас это нравится.

Е.Д. Однажды он, недостаточно объяснив на предыдущей лекции связь между преобразованием координат и линейным оператором, вызвал меня и уличил, что я эту связь не вполне понимаю. Тем не менее, обратив на меня внимание, он однажды пригласил меня с Кронродом к себе домой. Его мама угощала нас бульоном, а он предложил нам помогать ему писать учебник по линейной алгебре. Для начала мы должны были написать введение, объясняющее, что такое вектор, сперва наглядно, а потом аксиоматически. Мы написали страничку, другую, а затем началась война. Книга была написана после войны с помощью других сотрудников.

В день, когда началась война, мы готовились к экзамену по физике. О немецком вторжении мы узнали из выступления Молотова. Я помню, как в этот вечер мы ходили по Москве, как Саша Кронрод заявил, что он записывается добровольцем. Потом мы рыли щели возле общежития, чтобы укрываться от бомбежек. А у мамы в это время закончился срок ссылки, но она не могла жить ни в крупных городах, ни ближе 100 километров от Москвы. Так как она хотела быть поближе ко мне, то она поселилась в поселке Мордвес Тульской области, где она работала зубным врачом. В тот же поселок получила направление после окончания медицинского института Ира. Там мы и познакомились. Мне было 17 лет, призыву я не подлежал, и летом в Москве мне делать было нечего. И когда Ира поехала в Москву по каким-то делам, то мама попросила, чтобы она привезла меня к ней.

И.Д. В это время Москву бомбили, и я очень нервничала.

Е.Д. Она явилась в Останкино, где я жил тогда в общежитии и забрала меня. Помню, что я захватил с собой несколько книг по математике.⁷ Было это в июле. Университет эвакуировали в Среднюю Азию, и в Москву я не возвращался. Между тем немцы быстро продвигались вперед. В октябре они подошли вплотную к Москве. Мордвес находится на важной железнодорожной магистрали, связывающей Москву с Донбассом. Немцы стремились перерезать эту дорогу. Началась эвакуация из Мордвеса. Нам с мамой выдали соответствующие удостоверения, а Иру сначала хотели оставить в партизанах.

О.К. Почему?

Е.Д. Ну, врач, молодая... Мама ходила к секретарю райкома, дочерей которого она лечила, и убеждала этого не делать. Не знаю, ее ли аргументы подействовали или что-то еще, но, в конце концов, выдали удостоверение и ей. Так как железная дорога уже не действовала, то нам троим и аптекарше с сыном-мальчиком дали лошадь с телегой. Никто из нас с этой лошадью обращаться не умел.

И.Д. Кое-как мы ее запрягли...

Е.Д. Отъехали мы несколько километров и встретились с колхозниками, отправленными угонять скот на восток. Мы отдали им лошадь, и они согласились взять нас с собой. Дело в том, что аптекарша обладала запасом спирта, который нас и спасал. Иначе бы они нас не взяли. И мы с этими погонщиками довольно долго путешествовали, ночуя на полу в хатах.

И.Д. А эти крестьяне совершенно не спешили. Они говорили «А что нам немцев бояться. У нас скот. Мы его отдадим. Нам ничего не будет. Наоборот». Они стали идти все медленнее. А немцы шли очень быстро. В одном месте мы услышали, что они уже совсем рядом. И тут нам встретились летчики. Они везли на восток на двух грузовых машинах какие-то части для ремонта. Один из них вез жену. Мы с Верой Яковлевной пошли к нему, поплакались, и он - хороший парень был - сказал «Садитесь. Но только в кузов». И мы ехали в открытом кузове, хотя морозы были жуткие.

Part B

Е.Д. Ехали мы с ними недели две. Из-за распутицы машины застревали. Наконец доехали до Пензы. Там уже была железная дорога, но на вокзале толпы лежали вповалку на полу. Чудовищное количество вшей.

И.Д. Три дня и три ночи мы провели там, пока нас не посадили в эшелон из телячьих вагонов⁸. Пересаживаясь из одного эшелона в другой, мы в течение еще двух недель медленно двигались на восток. Эшелоны внезапно останавливались и простаивали часами, а затем трогались без всякого предупреждения. Приходилось терпеть и холод и голод.

⁷ Примечание Е.Д. Курсы анализа Валле-Пуссена и Гурса сопровождали меня в эвакуации и в эмиграции. Они до сих пор стоят у меня на полке.

⁸ Железнодорожные вагоны, в которых перевозился скот, использовались в военное время без существенной переделки для перевозки людей.

Е.Д. В середине ноября мы, наконец, добрались до Перми (называвшейся в то время Молотовым). Эта была наша цель, так как туда было эвакуировано Министерство авиационной промышленности и вместе с ним семья дяди Рувы.

И.Д. А у меня там были бабушка и двоюродный брат, также эвакуированные из Москвы.

Е.Д. Мои родственники получили комнату в довольно хорошем доме, в квартире какого-то местного начальника. Это была проходная комната. Остаться долго там было нельзя. Через пару дней я был зачислен в местный университет и поселился в общежитии. А мама осталась жить в семье своей сестры.

Университет не отапливался. Общежитие ютилось в бараке. Холод и голод не позволяли заниматься наукой. В одном только здании было тепло. Это был университетский корпус, в котором разместилось эвакуированное из Москвы Министерство угольной промышленности. Иногда, чтобы отогреться, мы проникали в его библиотеку. Через некоторое время для меня нашлось место в комнате, где одна стена прилегала к кухне университетской столовой. Там было несколько теплее, но зато там было огромное количество клопов. Никаких средств от них не было.

Среди преподавателей выделялась Софья Александровна Яновская – единственный профессор Московского университета, оказавшийся в Перми. Она также жила в общежитии, в одной комнате с больным сыном и двумя женщинами-москвичками, работавшими на других факультетах. У нее была тяжелая форма диабета, а ее сын, Има (старше меня на три года) с детства страдал шизофренией.

В весеннем семестре 1942 года Яновская читала курс математической логики. Среди слушателей кроме меня были еще три студента из Москвы: Буся Пильчак, Оля Олейник и Миша Постников. Впоследствии Буся защитила под руководством С. А. кандидатскую диссертацию, а Оля и Миша стали профессорами Московского университета. Все трое были моложе меня, и я, следуя московским традициям, завел для них что-то вроде математического кружка.

Чтобы я мог заниматься математикой, С. А. устроила меня наводить порядок в математической библиотеке. Большая часть книг была свалена на полу в небольшой комнате. Среди них были собрания сочинений Гаусса, Вейерштрасса и других знаменитых математиков 19 столетия. Как и другие ценные книги, они были частью библиотеки Дерптского университета,

эвакуированного в Пермь во время Первой мировой войны. Таким образом, я получил место для занятий.

Помню постоянное ощущение голода. Все же я был в лучшем положении, чем большинство моих товарищей. Мама пошла работать медсестрой в госпиталь, чтобы получить рабочую карточку, которую она обменяла на мою, дающую право на значительно меньший рацион. Наиболее тяжелым был период до весны 1943 года. Все же в маленькой комнатке при библиотеке я пытался заниматься математическим творчеством. Я поставил себе и стал решать задачу: описать все замкнутые подгруппы конечномерного векторного пространства. Ответ понятен. Это прямая сумма решетки и подпространства. Я это доказал, а потом обнаружил, что этим в 19 веке занимались, среди других, Кронекер, Якоби, Вейерштрасс в связи с проблемой аппроксимации рациональными числами нескольких действительных чисел. Я записал свое решение, и Софья Александровна послала его Гельфанду. Тот ничего не ответил, но, когда в конце 1943 года я появился в Москве, то, по его приглашению, я стал одним из первых членов этого впоследствии ставшего знаменитым гельфандовского семинара.

В конце весны или начале лета 1943 года Министерство угольной промышленности вернулось в Москву, и занимаемое им здание вернули университету. С. А. получила там две смежные комнаты. В одной из них поселилась она с сыном, а в другой я и мама. Начиная с этого времени, мы жили одной семьей. Это продолжалось до самой смерти СА и даже после нее. Необходимые ей регулярные уколы пенициллина обычно делали мама или я.

Маме посоветовали потерять паспорт, выданный по справке НКВД и, при содействии Бусинога отца, сумевшего договориться с местной милицией, ей выдали новый, «чистый» паспорт. (Потеря документов была не редкость при тогдашней неразберихе.)

Тем временем Московский университет вернулся из эвакуации. Вызвать в Москву профессора, эвакуированного отдельно от университета, было непросто, а СА уехала из Москвы с семьей своей сестры. Получить пропуск помогла сотрудница университета с помощью своего мужа, председателя Пермского облисполкома. Как и все окружающие, она тепло относилась к СА. К тому же для нее и ее мужа имело значение то, что СА была старым членом партии с подпольным стажем. В пропуск включили и

меня. А мама осталась в Перми, продолжая работать в госпитале и заботиться о больном Име.

Когда мы приехали в Москву, началась новая эпопея. До войны у С. А. была одна комната в квартире на Ленинградском шоссе. Две другие комнаты занимала семья ее сестры. Оказалось, что в результате махинаций управдома с деньгами за квартиру, регулярно посылавшимися из Перми, С. А. лишилась права на свою комнату, и в нее вселился некий чиновник. Несколько месяцев, пока продолжалась битва, мы жили у брата С. А.. В конце концов, благодаря активному участию видных математиков, комнату удалось вернуть. Получить пропуск для мамы, не имевшей московской прописки, было неразрешимой задачей. После всех отказов было отправлено письмо номинальному главе государства Михаилу Ивановичу Калинин⁹, подписанное влиятельными учеными, где говорилось, что важная для страны деятельность тяжело больной С. А. Яновской и даже ее жизнь зависят от дальнейшей поддержки и ухода медсестры, сделавшейся во время эвакуации главной ее опорой. Конечно, сами по себе эти аргументы «не стоили и ломаного гроша». Но некоторые из подписавших были ценимы правителями страны. Одним из них был Отто Юльевич Шмидт¹⁰, герой челюскинской эпопеи и начальник Главсевморпути (сыгравший ключевую роль также в нашей битве за комнату). И Калинин наложил резолюцию «Прописать». Калинин не обладал никакой реальной властью. Он ничем не мог помочь собственной жене, отправленной Сталиным в Гулаг. Но, поскольку ходатайство не имело никакой политической окраски, он мог себе позволить положительный ответ. После его резолюции дело пошло с молниеносной скоростью. Несколько раз в моей жизни случались такие чудеса.

Приехали мама с Имой, и мы вчетвером поселились в этой комнате. С. А. утверждала, что для творчества математика наиболее плодотворен период до 25 лет и что упущенное в это время уже нельзя наверстать. Желая, чтобы я что-то успел, она отдала мне свой письменный стол, а сама работала за обеденным столом. Тем временем продолжалась война, отопление работало плохо, и мы поставили маленькую железную печку, отапливавшуюся дровами.

С.К. А как с армией?

⁹ <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/310205/Mikhail-Ivanovich-Kalinin>

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Otto_Schmidt

Е.Д. Каждый год медицинская комиссия признавала меня негодным к военной службе, иногда из-за сильной близорукости, иногда из-за последствий костного туберкулеза, перенесенного в детстве.

Но вернемся к математике. В начале 1944 года начал работать семинар Гельфанда. В нем участвовало только несколько человек. В это время Гельфанд начал работать над бесконечномерными унитарными представлениями групп Ли. Мне было поручено рассказать о работах Картана¹¹, Вейля¹² и Ван-дер Вардена¹³ по классификации простых групп Ли. Не сумев разобраться в сложных выкладках Ван дер Вардена, я придумал мой собственный подход к заключительному этапу этой классификации. Короткая заметка, излагавшая этот подход, была сдана в «Математический сборник» в 1944 году. Там были введены схемы простых корней (их теперь называют «диаграммами Дынкина»).

С.К. А перед этим была еще статья с Дмитриевым?

Е.Д. Это потом. Она вышла раньше из печати, но написана была на следующий год. А первая работа была сделана на четвертом курсе, и она получила вторую премию на конкурсе студенческих научных работ. Первую премию получила работа Роднянского о континуумах на плоскости. Она была гораздо ближе к научным интересам председателя жюри Павла Сергеевича Александрова.

На пятом курсе я работал в семинаре Колмогорова по цепям Маркова. Основным предметом были процессы с конечным и счетным множеством состояний и непрерывным временем. Кронрод также участвовал в семинаре. Когда началась война, он пошел добровольцем в армию. Поскольку он владел немецким языком, его использовали на Мощной Говорящей Установке, вещавшей на немцев. К концу 1943 года состояние его здоровья после ранений было тяжелым, но из армии его не отпускали, хотя он и просил об этом. И тут Софья Александровна смогла что-то сделать. В это время Отделом науки Центрального Комитета партии был некий Суворов, который прежде работал в ее семинаре и считал, что он ей многим обязан. Когда она обратилась к нему, он позвонил в Главное Политическое Управление советской армии, что ему нетрудно было это сделать. В результате приказом Управления Кронрод был откомандирован в

¹¹ <http://www-history.mcs.st-and.ac.uk/history/Biographies/Cartan.html>

¹² <http://www-history.mcs.st-and.ac.uk/history/Biographies/Weyl.html>

¹³ http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/Biographies/Van_der_Waerden.html

распоряжение Московского университета. Это было одно из многих добрых дел Софьи Александровны.

О.К. Кронрода это спасло.

Е.Д. Колмогоров сформулировал на семинаре ряд нерешенных задач. Кронрод участвовал в обсуждении одной из них, но до публикации дело не дошло. А задача о характеристических числах стохастических матриц была решена разными способами Колей Дмитриевым и мною. По совету Колмогорова мы решили опубликовать две совместных работы. Дмитриев написал короткую заметку в «Докладах», где излагался его метод, а я написал подробную статью для «Известий», содержащую полученное моим методом более полное описание множества характеристических корней. Эта работа была продолжена и завершена через несколько лет Карпелевичем.¹⁴

Коля Дмитриев был очень интересным человеком. Он поступил в университет в 15 лет. Осенью 1941 года он был эвакуирован вместе с университетом в Ашхабад. Все голодали, и Коля, склонный к абстрактному мышлению, вычислил, что можно максимизировать число калорий, если обменять все продукты на масло и есть одно масло. Ни к чему хорошему это не привело. В результате он заболел.

О.К. Очень грустная история. Я слышала ее от Кронрода.

Е.Д. Заметка в «Докладах» вышла раньше, чем моя статья о простых корнях. Я снова получил (вместе с Колей) вторую премию на конкурсе студенческих работ. О дальнейшей судьбе Коли Дмитриева обязательно надо рассказать. Вместе с ним мы поступили в аспирантуру к Колмогорову, но через год он исчез. Через много лет я прочитал в воспоминаниях Сахарова, что Коля внес существенный вклад в создание советской водородной бомбы. По словам Сахарова, он решал многие возникавшие у них математические задачи, так что все считали его гением. Он так и не защитил кандидатскую диссертацию, но удостоился высшей правительственной награды - звания Героя социалистического труда. Андрей Дмитриевич пишет о нем очень тепло. Уже после смерти Сталина Коля появился в Москве и побывал у меня в гостях. О своей работе он, конечно, ничего не говорил. Даже место нахождения его работы было государственной тайной. Так что наши судьбы сложились очень по-разному.

¹⁴ Я рассказал об истории этой задачи и о вкладе Карпелевича в ее решение на заседании Московского математического общества, посвященном памяти Карпелевича. Видео запись моего выступления включена в настоящую Коллекцию.

В аспирантуру меня выдвигали Колмогоров, Гельфанд и Петровский. Выдвижение, подписанное Гельфандом и Петровским у меня сохранилось. Я продолжал заниматься группами Ли, но предпочел пойти к Колмогорову.

С.К. А почему? Ведь Колмогоров в этой области не работал.

Е.Д. Можно было пойти к Гельфанду, но Гельфанд любил обижать людей, а я не привык, чтобы меня обижали. А Колмогоров воспринимал математику, как единое целое, и поощрял своих учеников работать в самых разных областях.

В течение некоторого времени алгебры Ли оставались моим главным предметом, однако я опубликовал несколько работ по теории вероятностей и математической статистике. Международное признание получила моя работа о достаточных статистиках.

Кандидатскую диссертацию я защитил досрочно. Колмогоров, желая оставить меня в университете и понимая возможные трудности, провел через ученый совет мое зачисление по конкурсу в качестве преподавателя на кафедре теории вероятностей. Однако, Министерство Высшего образования, не считаясь с этим, решило направить меня в Витебский педагогический институт. Помню, как Андрей Николаевич надел все свои ордена и направился в Министерство. Я ожидал в коридоре, пока он объяснял какому-то высокопоставленному чиновнику, что решение Министерства противоречит закону о конкурсах. Когда Колмогоров ушел, я решился спросить у чиновника «Ну, как?», и тот ответил «Ну, академик!» “. В 1948 году Министерство не стало спорить с академиком, и я был зачислен старшим преподавателем на кафедру теории вероятностей МГУ. Результат мог оказаться совсем иным несколько лет спустя. Я должен сознаться, что в моем решении идти к Колмогорову, а не к Гельфанду играло роль и то, что я понимал, что с Колмогоровым мои перспективы были лучше. Надо сказать, что в какой-то момент Колмогоров, полагал, что, конечно, мое место на мехмате, но скорее на кафедре алгебры. Курош готов был об этом хлопотать, но это как-то не состоялось. Возможно потому, что шансов на успех у Куроша было явно меньше, чем у Колмогорова. Числясь на кафедре теории вероятностей, я читал несколько раз основные курсы алгебры, и среди моих слушателей были Винберг, Фрейдлин, Шур, Кириллов и Арнольд.

Через год меня сделали доцентом. Тогда это делалось быстрее. Я прочел специальный курс по Марковским процессам. Я изучил всю литературу в этой области, и процессы Маркова постепенно вытеснили алгебры Ли в качестве основного предмета моих занятий. Начиная с 1955

года стохастические процессы и вероятностные методы в математическом анализе стали основным направлением моей работы. Однако обе мои диссертации: кандидатская, защищенная в 1948 году, и докторская, защищенная в 1951 году, были посвящены группам и алгебрам Ли. Оба раза Гельфанд и Мальцев были моими официальными оппонентами. Третьим оппонентом по докторской диссертации был Колмогоров. В своем отзыве он, в частности, подчеркнул, что мое решение классической задачи, поставленной еще в 19 веке Софусом Ли, потребовало, помимо новых идей, огромного объема вычислений¹⁵.

С. К. Вы мне рассказывали некоторые истории об университетской жизни в первые послевоенные годы. Было бы интересно их записать.

Е. Д. Одна такая история связана с переаттестацией преподавательского состава, проводившейся в 1949 или 1950 году. Комиссия, в которой главную роль играл Огибалов, составляла характеристику каждого преподавателя Мехмата. Про Колмогорова и Александрова было написано: «Имеются элементы формализма в преподавании». Это было политическое обвинение, чреватое большими неприятностями. Кажется, с помощью Петровского это обвинение удалось исключить. С. А. мне говорила, что Огибалов это самая страшная личность. Связанный с КГБ и партийным руководством, он не только проводит их политику, но и ужесточает ситуацию по собственной инициативе, оставаясь при этом в тени.

С. К. А еще я помню, вы рассказывали про какой-то взрыв.

Е. Д. Это было в 1945 или 1946 году, вскоре после войны. Во время заседания Московского математического общества распространился вдруг какой-то острый запах по коридору. Заявили, что это бомба со слезоточивым газом, и стали вызывать по одному в КГБ на Лубянку аспирантов, в том числе меня и моих друзей. С. А. предположила, что им надо возобновить сеть секретных информаторов в МГУ и посоветовала, что я должен им сказать, что я настолько поглощен математикой, что не замечаю ничего кругом и поэтому не могу быть им полезен. Так я и поступил, и они не настаивали, Мы должны были дать подписку, что никому не расскажем об этом разговоре. Однако с одним близким другом мы поделились этой информацией.

С. К. Может быть, вы расскажете о второй школе.

¹⁵ Разумеется, я пользовался только карандашом и бумагой. Лишь незначительные поправки потребовались при последующей проверке этих вычислений на компьютере.

Е. Д. Ну, это большой скачок. Моя Работа со школьниками началась много раньше, вскоре после моего возвращения из эвакуации. В 1943-44 и 1944-45 учебных годах я вел секцию школьного кружка при МГУ. По воскресеньям профессора читали школьникам лекции. После первой лекции в начале учебного года руководители секций рассказывали о своих планах, конкурируя, чтобы привлечь школьников. Я соревновался с Сашей Кронродом и Исей Ягломом. Многие пошли к Кронроду, некоторые пошли ко мне. Вначале у меня было человек 10, но к концу учебного года остались трое: Успенский, Фридлиндер и Розенкноп. Я завел тетрадку, в которой записывал все даваемые мною задачи и кто какую задачу решил. На следующий год моя секция оказалась наиболее популярной. Многие ученики Кронрода перешли ко мне. (Возможно, хотя я не уверен в этом, что Саша перестал вести кружок.) Среди них был Ченцов. Появились Карпелевич, Юшкевич, Березин, Минлос, Балаш. До конца сохранилось человек 15. Мы занимались Проблемой четырех красок, арифметикой вычетов по модулю p , случайными блужданиями и многим другим. Впоследствии по этим материалам была написана книга «Математические беседы» в соавторстве с бывшим участником секции Володей Успенским. Эта книга выдержала несколько русских изданий и была переведена на ряд языков, включая английский и немецкий. Осенью 1945 года я стал аспирантом, а часть участников секции была принята на Мехмат. Я организовал для них семинар. К Успенскому, Карпелевичу, Ченцову, Балашу присоединились новички. Наиболее активным из них был Добрушин.

Березин, Юшкевич, Минлос и ряд других еще учились в школе. Мне хотелось сохранить секцию, и я поручил ее вести Успенскому. Кажется, она просуществовала недолго, но на следующий год некоторые из ее участников присоединились к моему семинару. Семинар работал много лет под разными названиями: Избранные вопросы современной математики, Избранные задачи алгебры и анализа... Потом он разделился на два семинара: по теории вероятностей и по группам Ли. Время от времени я организовывал дополнительные семинары для начинающих. Они служили источниками для пополнения большого семинара. Такова, вкратце, история начала моей педагогической карьеры.

Part C – July 28, 1999

С.К. Продолжим наш разговор.

Е.Д. В прошлый раз, вспоминая о своем детстве, я ничего не сказал о своей няне. Между тем ее роль можно сравнить с тем, что мы знаем о роли Арины Родионовны в жизни Пушкина. Ее полное имя было Агрипина Анисимовна, но все называли ее Грушей. Она была с нашей семьей еще до моего рождения и оставалась с нами пока мы жили в Ленинграде. Она была немолода (по крайней мере, мне так казалось) и любила вспоминать о «мирном времени», то есть о том, что было до первой мировой войны. В противоречии с официальной пропагандой, она утверждала, что жить тогда было совсем неплохо. Продовольствия было сколько угодно, и все было дешево. Ее муж Ваня был столяром – краснодеревщиком, у них даже были сбережения – две тысячи рублей, немало по тому времени. Она меня очень любила и даже считала, что родители уделяют мне недостаточно внимания. Я к ней тоже был очень привязан. Она была неграмотна и очень религиозна. Лет пяти-шести, научившись читать, я читал ей Евангелие, проникаясь при этом христианской верой. Однако, начитавшись научно популярных книжек, я решил, что существование Бога не подтверждается наукой, и стал атеистом.

Ребенком я верил, что коммунизм это светлое будущее всего человечества. Даже после ареста и гибели отца я продолжал выступать на школьных вечерах, завершая свои речи словами «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Это вызывало бурные аплодисменты аудитории, и это мне нравилось. При отсутствии какой-либо альтернативы, систематическая пропаганда развращала молодое поколение!

Теперь я перескакиваю через много лет и буду рассказывать о некоторых эпизодах университетской жизни в послевоенное время.

В 1949 или 1950 году партийные власти мехмата раскрыли «антисоветскую группу», в которую входили некоторые студенты выпускного пятого курса, рекомендованные в аспирантуру своими научными руководителями. Эта группа получила название «Тесное содружество». Часть студентов были евреи, и они обсуждали между собой связанные с этим широко известные проблемы. Некоторые профессора, также говорили об этих трудностях в частных разговорах со студентами. Существование антисемитизма официально отрицалось, и подобные разговоры считались клеветой на советскую власть. Антисоветский характер группы подтверждался тем, что, отмечая вместе дни рождения, они при этом не пили за здоровье товарища Сталина.

О.К. А как же об этом узнали?

Е.Д. Студентов вызывали и допрашивали по одному, угрожая исключением из университета. Можно себе представить, что им пришлось отвечать и на прямой вопрос о тостах.

Потом собрали всех преподавателей. Некоторых поименно обвинили в политических ошибках. На фоне истерии царившей в стране в последние годы жизни Сталина, это было серьезное обвинение. Не имея никаких контактов с этими студентами, я просто сидел и слушал. А Александр Геннадиевич Курош¹⁶ был вынужден заявить: «Все знают, как болезненно я переживаю любые проявления антисемитизма, и поэтому вы можете поверить, что я это говорил. Но я этого не говорил». С. А. оказалась бы в таком же положении, если бы она была на собрании, но она находилась в больнице. Главными обвинителями были секретарь партийной организации Мехмата Горбунов и Ленский, который, между прочим, заявил: «К счастью, в этой группе нашелся честный человек, который обо всем рассказал». Ленский и Огибалов, оба работавшие на кафедре пластичности отделения механики, были, по-видимому, главными режиссерами этого спектакля, но Огибалов не выступал, предпочитая, как обычно, действовать из-за кулис. Помню также выступление Льва Абрамовича Тумаркина, обвинившего Делоне в том, что его ученик, Шафаревич¹⁷ политически пассивен и не ведет никакой общественной работы. Тумаркин читал нам анализ на первом курсе, и на одной из лекций ему прислали записку, поздравляя со вступлением в партию. Он зачитал эту записку и сказал, что это важный этап в его жизни. До войны он был деканом, но дальнейшая административная карьера для еврея была закрыта.

С.К. А какова была судьба студентов?

Е.Д. Большинство из них исключили из университета накануне выпуска, и в течение многих лет они не могли получить дипломов и работать по специальности. С некоторыми обошлись мягче. Их не приняли в аспирантуру, но дали возможность окончить университет и устроиться на работу в других институтах.

Еще одна история из тех времен. В 1948 году состоялась сессия ВАСХНИЛ, осудившая генетику как буржуазную лженауку. С докладом, одобренным Сталиным, выступил Лысенко¹⁸. Белорусский математик Еругин

¹⁶ <http://www-history.mcs.st-and.ac.uk/Biographies/Kurosh.html>

¹⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/Igor_Shafarevich

¹⁸ <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/353099/Trofim-Denisovich-Lysenko>

претендовал на аналогичную роль в математике. Известные ленинградские математики Александр Данилович Александров¹⁹ и Андрей Андреевич Марков²⁰, выступая на заседании Московского математического общества, обвинили Колмогорова в «теоретико-множественном идеализме».

О.К. Кто бы мог этого ожидать от них?

Е.Д. Ну, поведение Маркова можно объяснить тем, что он был конструктивистом. Я не думаю, что у него были злые намеренья. Просто он воспользовался моментом для пропаганды конструктивизма! В свою очередь А.Д. Александров утверждал, что направление работы Колмогорова ложно и должно быть изменено. Помню, что Андрей Николаевич спрашивал меня, какую позицию займет С. А., готова ли она поддержать эти обвинения. Разумеется, она никак не была готова к этому, а, напротив, старалась его защищать. Однако ее положение было трудным. Я вспоминаю другое заседание, созванное для того, чтобы сделать выводы для математиков из постановления ЦК о положении в биологии. Яновская должна была выступить с докладом. Отказаться от партийного поручения она не могла. Ожидали худшего. На заседание пришел даже старик Сергей Натанович Бернштейн²¹, который болел и длительное время нигде не появлялся. С. А. нашла такой выход. Она критиковала идеализм в математике, но нападала при этом только на иностранных ученых, которым от этого было ни холодно, ни жарко.

О. К. Ой, как здорово!

Е. Д. Общеизвестна ее роль в развитии советской математической логики, которую ей приходилось защищать от партийных идеологов. В частности, она добилась организации кафедры математической логики на мехмате и приглашения Маркова в качестве заведующего этой кафедрой. С Марковым у нее сложились очень теплые отношения. Такого разгрома, как в биологии, не произошло ни в физике, ни в математике. Сталину нужна была атомная бомба, а физики нуждались в математике.

Может быть, стоит рассказать о моей единственной встрече с Лаврентьевым. Вы, возможно слышали о его роли (вместе с Соболевым и Христиановичем) в организации Сибирского отделения Академии наук СССР. По словам Колмогорова, Лаврентьев был очень дружен с Хрущевым и даже советовал Хрущеву, где лучше всего купаться. Впрочем, Хрущеву не

¹⁹ http://en.wikipedia.org/wiki/Aleksandr_Danilovich_Aleksandrov

²⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Andrey_Markov_%28Soviet_mathematician%29

²¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Sergei_Natanovich_Bernstein

понравилось его предложение построить в Академгородке отдельные коттеджи для академиков. А встретились мы с Лаврентьевым в Китае, по дороге из Шанхая в Ханчжоу. В вагоне были только мы двое и сопровождающие нас китайцы. Меня поразило, что Лаврентьев, которого я встретил первый раз, сразу начал мне говорить всякие гадости про Гнеденко. Я привык, что Колмогоров, в разговорах со мной, никогда не говорил ничего плохого даже о математиках, которых он явно недолюбливал. Конечно, Гнеденко было за что критиковать, но меня удивило удовольствие, с которым Лаврентьев описывал неприятности Гнеденко в Киеве.

С. К. Может быть, вы расскажете о нашем приеме на Мехмат после окончания Второй школы. Это был год, когда число выпускников удвоилось из-за перехода от 11-летнего к 10-летнему обучению.

Е. Д. Было известно, что руководство приемом не жалуется выпускников математических школ, особенно, если они евреи. Поэтому я очень волновался и пытался сделать все возможное и невозможное для того, чтобы наиболее способные из моих учеников оказались на Мехмате.

О. К. А вы не принимали экзамены?

Е. Д. Круг экзаменаторов на мехмате был ограничен. Меня, как и многих посылали экзаменовывать только на других факультетах.

Столкнувшись с предвзятостью экзаменаторов, я даже хотел обратиться за помощью к Элле Максимовой, корреспонденту *Известий*, написавшей большую статью о моем опыте во Второй школе. Но, подумав, я решил, что когда идет речь о политике, она ничего сделать не может даже, если и захочет. С Кузнецовым проблем не было, но другие достойные кандидаты: Вейбер, Шапиро, Гершман - были провалены. Я спрашивал Андрея Леонтовича (бывшего тогда студентом) не может ли помочь его отец, известный физик и академик. Я называл два варианта: протестовать против политики дискриминации с принципиальных позиций или отстаивать отдельных заслуживающих того кандидатов. Андрей ответил, что о втором варианте не может быть и речи, а о первом он попробует поговорить с отцом. Потом он мне сообщил, что отец счел это дело безнадежным. Я обращался к Курошу, но тот заявил, что было бы несправедливо ставить в особые условия учеников Второй школы потому, что их защищает Дынкин. Тогда я сказал: «Представьте себе, что несколько человек тонут, а вы стоите на берегу. Вы можете спасти кого-то, но не всех. Решите ли вы, что справедливо не спасать никого?» Кажется, этот аргумент произвел на него некоторое впечатление, но делать что-либо он не стал. Гирсанов говорил с

Шидловским – секретарем партийной организации Мехмата. Тот заявил, что надо обращаться не к нему, а к декану. Декан – Николай Владимирович Ефимов вопросами приема не занимался и уехал на дачу.

Оставалось прибегнуть к крайнему средству и обратиться к Петровскому. Я приехал к нему на дачу. Он сказал: «Много сделать я не могу, но, как ректор, я имею право зачислить сверх утвержденного количества пять человек. Выберите их вместе с Колмогоровым и Гельфандом». Колмогоров руководил физико-математической школой интернатом, а Гельфанд Заочной математической школой. Потом Иван Георгиевич провожал меня на железнодорожную станцию, находившуюся в нескольких километрах от его дачи. По дороге он мне сказал: «Знаете, никто никогда не давал мне никаких указаний насчет евреев». Колмогоров и Гельфанд назвали своих кандидатов, а я предложил включить Вейбера и Шапиро. С этим списком я снова отправился к Ивану Георгиевичу. Попал я к нему часов в 7 или 8. Его разбудили. Было видно, что он плохо себя чувствует. Он написал записку проректору и отдал ее мне. В этот раз он меня не провожал.

Некоторые из не принятых в МГУ поступили в Московский педагогический институт. Я добивался их перевода в МГУ. Первым кандидатом был Саша Бариль. Петровский обещал перевести его при первой возможности. Саша сдал все университетские экзамены за первый курс и был зачислен на второй курс.

В заключение я расскажу еще одну любопытную историю. Однажды с коротким визитом в Корнель приехал профессор МГУ Федорчук. В Америку его пригласила жена Рудина, автора известных учебников по математическому анализу. Она тоже математик. Говорили, что отец Федорчука председатель КГБ (впрочем, имевший другую семью). Встретиться с Федорчуком во время его визита мне не пришлось. Попав в Москву во времена перестройки, я решил навестить на нашу старую квартиру в Доме преподавателей МГУ на Ломоносовском проспекте. Поднявшись на лифте на восьмой этаж, я позвонил в дверь и спросил вышедшую оттуда даму: «Это квартира профессора Дынкина?» «Нет, -- отвечала она.-- Это квартира профессора Федорчука». Я извинился и направился к лифту. Но в этот момент вышел сам хозяин и сказал: «Дынкин давно в Америке». Я поблагодарил его, не признавшись, однако, что я Дынкин.